

Введение

Во дворе обители грелся на солнце Старик. Монахи, свободные от послеобеденных трудов, пристраивались поодаль, не осмеливаясь занять место рядом. Старик вызывал безотчетную робость даже у тех, кого наставлял, хотя все знали, что он никогда не выказывает ни злобы, ни раздражения.

Многие стремились попасть в его «класс» — подалше от узловатых веревочных поясов, увесистых посохов и прочих «стимулов»^[1], которыми потчуют невежд иные наставники. Здесь самым суровым наказанием было либо изгнание из круга учеников, либо отказ принять исповедь. Старик не слишком любил людей: и в молодости сторонился, а в преклонные годы предпочитал не замечать тех, кто не по душе.

И все же беседы со Стариком привлекали многих. Одних завораживала его мудрость, другие искали житейских советов, третьи жаждали чудес и откровений, а кое-кто — слухов из аристократических кругов. Время от времени Старик утолял их любопытство, давая братии пищу для ума и поводы для досужей болтовни.

Но и тогда, когда он погружался в размышления, все пересуды вполголоса на монастырском подворье так или иначе касались его персоны. Что не удивительно, ведь большинство монахов никогда не покидали стен Шартреза, и, не будь Старика, им оставалось бы обсуждать малозначительные монастырские сплетни, да и те были скудны, ибо их жизнь протекала в строго ограниченном пространстве и в рамках сурового распорядка, очерченного орденом уставом.

Лишь редкие смельчаки отваживались нарушить его, за что подвергались жестоким наказаниям. И только для Старика запретов и ограничений, казалось, не существовало. Поэтому он был окружен ореолом тайны. Его жизнь мало-помалу

превращалась в житие, оттого всякая ее неканоническая подробность смутно волновала неокрепшие умы.

Вот и сейчас молодой послушник любопытствовал:

— Неужто он и вправду кардинал?

— Нет, понятное дело, — с ухмылкой отвечал другой, — кардиналам красная мантия положена и наперсное распятие: золотое, с рубинами. А где они?

— Я тут уж пятый год, — с важностью вмешался другой послушник, — и ни разу кардинальского облачения на нем не видывал. А мантия... может, и есть где-то. Когда я только-только стал новицием, в монастырь однажды нагрянули настоящие кардиналы — сплошь в шелках, важные, не чета нашему...

— И к кому ж они, по-твоему, явились, дурачок? — не упустил случая блеснуть осведомленностью помощник библиотекаря. — К тебе, что ли? Дефан их созвал, вот они и примчались. Книги ему были поднесены — Платон, Беда Достопочтенный, Плотин, травник диковинный. Я их потом чуть ли не два года переписывал. Стало быть, Дефан им ровня. А то, что мантии кардинальской не носит, так это потому, что ему все платье по особому чину шьют. Может, он и повыше иных кардиналов — недаром же старые люди говорят, что, когда наш Папа преставился, Дефан как бы его место заступил, а потом пропал...

— Как так — пропал? Что значит — заступил? — возбужденно зашумели новиции и молодые монахи. Сказанное библиотекарем не укладывалось в голове, ломало освященный веками порядок вещей.

Но помощник библиотекаря только руками развел:

— Об этом у стариков спрашивать надо, давно дело было.

— А сколько ж лет Дефану? Правда ли, что он конец света видел?

При упоминании о страшном тысячном годе, когда небо должно

было пасть на землю, но так и не пало, все осенили себя знаком креста и, как бы опасаясь собственной дерзости, перешли на монашеский язык жестов.

Но поскольку пальцы не способны в полной мере заменить язык, братии волей-неволей пришлось вернуться к работе. Черпнув воды из колодца в центре подворья, монахи потянулись в кельи, кузницы, мастерские, на огороды, в скрипторий, винокурню и прочие места, где каждому надлежало трудиться.

Монастырь процветал. И не только благодаря молитвам братии и труду конверзов^[2]. Процветание это, в первую очередь, было связано со Стариком. Тот считал, что монахи должны усердно трудиться. Но труд, как и молитва, не должен пропадать впустую, потому и жизнь монастыря была устроена таким образом, что каждый приумножал общее благо. Шартрез мало-помалу превращался в островок благополучия, выделяющийся даже на фоне блистательного Авиньона. Но мало кто из обитателей монастыря вполне осознавал, что практически все здесь делается по слову Дефана, и даже уклад монастыря, сохранивший лишь внешние знаки принадлежности к картезианскому ордену, создан им самим. И в самом деле — жизнь в монастыре Шартрез, что в местечке Вильнев близ Авиньона, глубоко отличалась от жизни в других монашеских общинах ордена.

Недаром орденские визитаторы, ежегодно наведывавшиеся в Вильнев, к вечеру первого дня пребывания в монастыре собирались в зале трапезной с видом глубокой озабоченности и просили настоятеля прислать им для собеседования камерария, келаря, библиотекаря и пару-тройку братьев в придачу.

Наутро Дефан учтиво предлагал гостям провести час-другой в его обществе, а затем вместе с визитаторами совершал полный обход монастыря, прерываясь лишь для молитвы и трапезы. Во время этой прогулки он говорил не умолкая — все тем же располагающим, но отчасти насмешливым тоном.

Беседы со Стариком производили на гостей глубокое впечатление, заставляя их призадуматься.

Дефан знал, как поколебать заскоруждые основы представлений, глубоко укоренившихся в головах братьев, и не прибегал к богословской казуистике, а лишь изредка, как бы невзначай, припоминал ту или иную уместную строку или стих Писания. Ведь евангелисты, занося на пергамент то, что сберегла человеческая память о жизни спасителя, не слишком заботились о том, будут ли внятны их слова людям, которым довелось жить спустя тысячелетие.

В результате устройство Вильневской обители, на первый взгляд противоречившее уставу Святого Бенедикта, начинало казаться визитаторам исполненным божественной благодати.

Братья, выращивавшие на аптекарском огороде дурман, белену и прочие гнусные зелья, всего лишь следовали примеру праотца Ноя, открывшего как добрую, так и пагубную природу виноградной лозы. Сие, вскользь замечал Дефан, учит нас, что в каждом растении следует отличать дурную сторону от полезной, а отличив, употреблять во благо ближнему. Братья, возившиеся с ретортами и тиглями, поначалу казались гостям несомненными колдунами. «Но неужели, — дивился Дефан, — вам неведомо, как сам Спаситель превращал воду в вино, а Моисей поразил фараона жезлом, обратившимся в змею? Эти братья познают превращения материи, плоти всего сущего, но не призывают духов, не произносят заклинаний — только молитвы. Господь благословляет такие занятия, ибо они умножают знание».

— Но зачем столько писцов в скриптории? — дивились гости. — В нашем монастыре их трое, и они превосходно справляются с копированием Евангелий и трудов отцов Церкви. Но что мы видим здесь? Аристотель, Софокл, Аристофан, Вергилиус... Создатели этих книг — язычники, не так ли, достопочтенный Дефан?

— Братья, знавали ли вы моего отца? — неожиданно вопрошал Старик.

— Разумеется, нет.

— Он служил ордену госпитальеров и пал с мечом в руке и верой в сердце, защищая паломников от неверных.

— Да покоится в мире вечном. Но эти книги... — нетерпеливо перебивал кто-то из визитаторов, решив, что логика Дефана дает сбой.

— Мой отец, — твердо продолжал тот, — бился с неверными не один десяток лет и в совершенстве изучил их верования и предрассудки. Среди прочего, он упоминал о том, что приверженцы Аллаха повсюду уничтожали книги, ссылаясь на то, что в одних написано то, что уже есть в Коране, а значит, эти книги бесполезны, а другие говорят о том, чего в Коране нет, и они безусловно вредны. Сейчас я услышал от вас, братья, то, что некогда мой отец слышал от неверных. Уж не почитаете ли и вы Аллаха?

Оторопевшие гости обменивались испуганными взглядами. Было отчего призадуматься: только что сам Дефан — один из влиятельнейших людей в ордене — прямо обвинил их в злостной ереси. И сделал это, опираясь на их собственные слова, сказанные без принуждения.

Впрочем, Старик не пытался запугать визитаторов. Он ставил перед собой иную цель — расположить их к порядку, установленному в вильневском монастыре. Покинув политическую сцену, он приступил к осторожному реформированию изнутри картезианского ордена, известного своей непреклонной суровостью еще со времен Бруно Кельнского^[3]. И теперь Вильнев — самая необычная и, благодаря усилиям Дефана, самая процветающая община в ордене — служил примером и для капитула, и для настоятелей прочих монастырей.

Бедность, послушание и воздержание — три обета, лежавшие в основе западного монашества, в Вильневе благодаря Дефану сменились догматом полноценной жизни и труда во славу Господа. Да, монахи обители не знали женщин, но и не истязали плоть подобно древним аскетам, не носили власяниц и вериг, причинявших бессмысленные мучения и не приносивших пользы ближним. Монахи не владели земными богатствами, но и не употребляли скверного хлеба и прокисшего пива, от которого пучит чрево и открываются язвы на ногах. Братья не только усердно молились, но и вникали в Писание под руководством опытных наставников. Их вера укреплялась не только богословскими, но и натурфилософскими знаниями.

Визитаторы — их выбирали из числа наиболее образованных и осведомленных братьев-священников — не могли не соблазниться. Воспитанные в догматической строгости, они, тем не менее, мыслили шире, чем рядовые монахи. Ведь их обязанностью было не только оценивать состояние инспектируемой общины, но и подыскивать людей, которые в будущем войдут в элиту ордена. Стать визитатором мог только человек нерядовых способностей, а таким людям рамки монашеской жизни обычно тесноваты. Они редко признавались в этом даже себе, но слова Дефана, равно как и все увиденное в Вильневе, заставляли задуматься...

Монастырское подворье, прогретое сентябрьским солнцем, постепенно пустело, а Старик продолжал сидеть, глядя прямо перед собой. Этот двор, эти скамья и колодец были тем немногим, что связывало его с юностью. За многие годы он преобразил свой монастырь так, что обитель стала как бы продолжением его самого, зеркалом его мыслей, свойств, замыслов, взглядов на мир. Только двор и колодец остались такими, как тогда, когда он девятилетним мальчишкой впервые оказался в стенах Шартреза...

Дефан родился в Арке — крохотном городке на юге Прованса. И если Прованс был провинцией, Арк был провинцией